

ОТНОШЕНИЕ АРМЯН К «БЕРЕГОВОМУ ПРАВУ» ПОСЛЕ XIV ВЕКА

Ю. Г. БАРСЕГОВ (Москва)

Прогрессивные морские традиции, передовые принципы международного морского права, выдвинутые и поддерживавшиеся армянским государством, продолжали оказывать влияние на развитие международного мореплавания и после гибели Киликийского армянского царства. В новых условиях армяне продолжали систематическую борьбу за внедрение этих принципов в практику международного мореплавания, за освящение их авторитетом права. Следует учесть, что в труднейших условиях отсутствия поддержки национального государства армяне продолжали активно и интенсивно заниматься международной морской торговлей, при этом успешно сотрудничая или конкурируя с крупнейшими морскими державами мира — Венецией, Генуей, Португалией, Голландией, Великобританией, Испанией и др.

Армяне вносили свой весомый вклад в дело прогрессивного развития международного морского права, в частности, путем дальнейшего содействия полному и окончательному отказу от берегового права¹.

Относящиеся к «береговому праву» положения «Судебника» М. Гоша продолжали действовать в самоуправляющихся армянских колониях мира и получили силу закона почти во всех армянских колониях, связанных с морской торговлей: в Польском царстве, Крыму, Грузии и т. д., о чем мы можем судить по «Сборнику законов» грузинского царя Вахтанга VI, сохранившимся актам польских королей, которыми подтверждалось «приобретенное» право армянских колоний Львова и других центров Царства польского, декретам Казимира III 1344 и 1356 гг. В частности, в Статутах львовских армян, утвержденных Зигмундом I (1519 г.), содержится положение, прямо относящееся к береговому праву. Ст. 86 этих статутов предусматривала следующее:

«В случае, если корабль разбился близко от города, люди этого города должны оказать помощь и спасти его имущество от гибели в море. А если бы жители города приготовились завладеть этим имуществом посредством кораблекрушения, то делать этого нельзя, ибо крушение корабля крайне пагубно для хозяина этого имущества с разбитого и тонущего корабля. А если не пожелают спасти имущество по доброй воле, тогда они могут взять десятую часть в награду за свою помощь. А если этой десятой частью не удовлетворятся, тогда пусть берут пятую часть этого имущества за свою помощь, а остальное возвращают хозяину этого имущества, как это часто делается на море. Однако, в

¹ См. нашу статью в «Историко-филологическом журнале», 1971, № 1.
6 2ш6п6и № 4

соответствии с армянским правом, сохраняется положение, согласно которому за оказание такой помощи брать ничего не следует»².

В акте утверждения армянских статутах нет прямых указаний на источник армянских законов, но сравнительный анализ текстов свидетельствует о том, что это положение, вместе с другими законами, заимствовано из «Судебника» М. Гоша или, вернее, одной из ее редакций, ибо наряду с совпадением текста есть и некоторые различия. Из них наиболее существенна следующая деталь: если в первоначальном варианте «Судебника» ввиду отсутствия соответствующей международной практики необходимость ограничения 1/10 или 1/5 спасенного имущества мотивировалась законом Моисея (Второзак., XXII, 1) и практикой взыскания оброков феодалами «по примеру господина, получающего десятину или пятину со своих подвластных», то в армянских статутах Львова предложение ограничиваться 1/10 или 1/5 спасенного имущества обосновывается существующей морской практикой³.

Польский исследователь С. Матисик, говоря о подтверждении этой нормы права «Армянского судебногоника» польским королем Зигмундом I, использует этот факт в качестве доказательства признания польским государством этого передового даже в XVI в. положения об оказании помощи терпящим бедствие и возвращении их имущества.

Конечно, нельзя не согласиться с тем, что положения армянского права относительно кораблекрушений имели прогрессивное значение и оказали положительное влияние на законодательство и практику польского государства, так же как это имело место в других странах, где существовали армянские колонии и где применялось армянское право.

Однако серьезные возражения вызывает попытка представить по-

² Цитируется официальный польский перевод 1528 г. „Gdyby okręt blisko miasta rozbił się, godzi się miasta onego ludziom ratować i wydzwignąć dobro one z ginienia morskiego. A jeśliby oni mieszczanie przygotowali się do takowych dóbr przez rozbićcie okrętu, nie mają tego czynić, albowiem takowego okrętu rozbićcie jest wielce szkodliwe panu onych dóbr, z rozbićcia okrętu tonących. A jeśliby nie chcieli z dobrej wolej ratować takowych rzeczy, tedy dziesiąta część onych dóbr ci pomagacze mają wziąć za nagrodę swągo ratunku; a jeśliby ta dziesiąta część nie widziała być się im za nagrodę, tedy piątą część dóbr tych za ratunek wezmą, a ostatek onemu wrócą, który jest własnym panem onych dóbr; albowiem się to na morzu częstokroć przytrafia. Ale wedle prawa ormińskiego to się zachowuje, iż za takowy ratunek nie godzi się nic brać“ (O. Balzer, Corpus Iuris Polonici, vol. IV, Kraków, 1910, стр. 513 и 451). См. также W. Brünneck, Zur Geschichte des Magdeburgs Rechts und der Statuten der Armenier in Lemberg: Ztschrift. d. Savigny Stiftung f. Rechtsgeschichte, German. Abt. Weimar, 1914, t. XXXV, стр. 26, 27.

³ Существование такой практики в бассейне Балтики подтверждается и более поздней практикой Московской Руси. На это имеется указание в Разрядной книге 1617 г.: «А которое судно разобьет на море или на Ладожском озере, а товар топлennyй того судна прибьет — морем к берегу Новгородского или Ладожского уезда; и боярину, и воеводам с товарищи те топлennyе товары велети сыскивати; а что какого товару сыщут, а те будет Немцы, чье товары, в то время в Новгороде будут; а им те товары отдавать тем Немцом, а на Государя имати с того товару десятая выть, и делать по посольскому договору» (см. Ф. И. Кожевников, Русское государство и международное право, М., 1947, стр. 129).

явление этой традиционной нормы армянского права в Статутах львовской армянской общины как прогрессивный акт польской королевской власти⁴.

О расхождении редакции львовских Статутов с первоначальным текстом соответствующей статьи «Судебника» Гоша говорилось выше. Что же касается утверждения, будто включение этого правила в Статуты было «беспредметно» для львовских армян и «не имело большого практического значения», то оно явно противоречит историческим фактам и, очевидно, основано на недоразумении⁵. В свете уже известных теперь данных о масштабах и ареале торговых операций армянских общин Львова, Каменец-Подольского и других экономических центров Польского царства, их огромной роли в развитии международной торговли между Востоком и Западом можно научно достоверно утверждать, что подтверждение положений армянского «Судебника» относительно отказа от права из кораблекрушений в Статутах львовских армян отнюдь не было случайностью, что оно имело свой глубокий смысл в связи с активной морской торговлей и мореходством армян, обосновавшихся в польском государстве. Армянские колонии Львова, Каменец-Подольского, Балта, Луцка и многих других городов Царства польского имели постоянные, широкие и очень интенсивные связи с центрами морской активности армян в Западном Черноморье (Валахии и Молдавии) и в Крыму, а отсюда, через Трапезунт и другие порты, с Арменией и со всем Востоком⁶. Помимо Черного моря, армяне имели свои корабли и широко пользовались морскими перевозками грузов и в Балтийском море. Они вели широкие торговые операции в Гданьске и других портах Балтики.

Утверждение проф. Матисека вызывает возражение даже с точки зрения формально-правовой логики, самой юридической техники. Действительно, если бы подтверждение этих норм армянского права в Статутах не имело для армянской общины Львова практического значения, они, очевидно, были бы опущены в акте королевской власти. Если же

⁴ «Это правило, совершенно беспредметное для армян, обитающих во Львове, вдали от моря, не имело большого практического значения. Это — заимствование без существенных изменений из «Датастанагирка» («Судебника») Мхитара Гоша конца XII в., имевшего обязательную силу в армянском государстве в Киликии (у Средиземного моря)». S. Matysik, Prawo nadbrzeżne (ius naufragii). Studium z historii prawa morskiego, Toruń, 1950, стр. 165.

⁵ Это подтверждается прежде всего большим количеством сохранившихся документальных материалов — городских книг, актовых книг львовских архивов, актов суда армянской общины Львова и Каменец-Подольского, документами российских архивов и др. Можно было бы сослаться и на многочисленные мемуарные свидетельства современников. Следует отметить также, что в последние годы научной разработке истории армянских колоний уделяют большое внимание ученые Украины, Армении и Польши. См., напр., «Научная сессия, посвященная историческим связям и братской дружбе украинского и армянского народов. Тезисы докладов», Киев, 1962; «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов», Киев, 1965.

⁶ Эти связи подтверждаются и при исследовании армянских колоний Крыма. См., в частности, Ч. И. Միքայելյան, Հրրոր շայգադան գաղութի պատմություն, Երևան, 1964.

польский король желал бы санкционировать соответствующие положения «Армянского судебника» в качестве общей нормы права Царства польского, он должен был бы оформить это в соответствующем национальном законе, а не в Статутах армянской общины.

Несколько слов относительно применения этой нормы права в Черноморье. Представляется ясным вопрос о действии этой нормы в той части побережья и в те периоды истории, когда там действовало армянское законодательство, основанное на кодексе Мхитара Гоша. Сложнее представляется вопрос в отношении многочисленных армянских колоний, возникших на берегах Черного моря.

Есть основания утверждать, что как в Западном Черноморье (Валахия и Молдавия), так и на северном побережье Черного моря и в Крыму применялся «Армянский судебник» М. Гоша и, следовательно, действовала санкционированная норма права относительно кораблекрушений. Об этом говорят списки, сделанные в Молдавии, Южной России и др. Самоуправляемые армяне Кафы и других центров Крыма использовали «Судебник», имея с него также латинский и греческий переводы.

В этой именно связи возникает вопрос, связанный с команской (старокипчакской) версией Статутов львовских армян. Этот свод армянских законов, имевшийся в латинском и польском переводах, был переведен и на команский (старокипчакский) язык. В Национальной библиотеке в Париже, в библиотеке Ossolineum во Вроцлаве, в библиотеках мхитаристов в Венеции и Вене сохранились экземпляры этого команского варианта «Судебника» Мхитара Гоша.

Связи армян с команам (кипчаками — половцами), населявшими северо-западное побережье Каспия, северное Черноморье и Крым, имели свою историю. Сперва нашествие сельджуков Алп-Арслана (1064 г.), а потом нашествие монгольских орд, разрушивших Анни (1239 г.), привели к эмиграции и созданию армянских колоний в устье Волги: в столице Золотой Орды — Сарае, а после перевода столицы в Новый Сарай — в Сарай-Берке, а также в Крыму. Вступив здесь с XI в. в контакты с команам, развернув «в стране Кпчах» активную деятельность в торговле и ремеслах, армяне в практических целях стали использовать их язык⁷. Результатом этого явилось создание армяно-кипчакских словарей. По-видимому, существовали и документы, регламентировавшие жизнь армянских колоний Дешт-и-Кипчака («Поля половецкого»). Поскольку последние пользовались самоуправлением, очевидно, было бы правомерно появление команских переводов армянских судебныхников. Поскольку же язык команов был бесписьменным, армяне должны были применять свои буквы.

⁷ Это подтверждает и архиепископ Султанйе Иоани, который в «*Libellus de potitia orbis*», относящейся к 1404 г., сообщает, что на обширных территориях Прикаспия и Причерноморья, которые он называет «Команией», было много (*multi*) армян, говоривших на татарском языке.

Вот почему, когда были найдены переводы «Армянского судебногоника» Мхитара Гоша на старокипчакском языке, написанные армянскими буквами, исследователи, естественно, высказали мнение, что они предназначены для крымских армян, живших там в татарском окружении⁸.

Сейчас возобладало мнение, что перевод сделан для части львовских и каменец-подольских армян, говоривших на команском языке⁹.

Эта точка зрения, конечно, верна, но она отражает только часть истины. Очевидно, команская версия свода армянских законов обслуживала не только команоязычных львовских и каменец-подольских армян, но и команоязычных крымских армян, тем более, что они, как уже отмечалось, поддерживали между собой теснейшие деловые, а также культурные и иные связи¹⁰. Если это действительно так, то тем самым подтверждается применение в армянских колониях Крыма «Армянского судебногоника» Мхитара Гоша с интересующим нас правилом относительно кораблекрушений. Не исключено, что дальнейшие исследования подтвердят наличие армянских судебныхников на команском языке, не только переписанных, но, возможно, и переведенных в Крыму или на других команоязычных территориях северного побережья Каспийского и Черного морей.

Эта норма армянского права была широко известна и в восточном Черномерье, у народов, объединенных с армянами многовековой общностью политических и экономических интересов—лазов, абхазов, грузин.

Известно, что сам составитель «Армянского судебногоника» Мхитар Гош значительную часть своей жизни провел в северной Армении—«царстве» («государстве», «державе») Захаридов, а написанный им «Судебник» был предназначен прежде всего для территорий, переживавших процесс возрождения национальной государственности. Правители этих территорий, именовавшиеся «царями» («королями», «шахн-шахами»), признавали сюзеренитет Багратидов, сидевших на грузинском и абхазском престолах. Сотрудничество и объединение усилий двух братских народов—армян и грузин привело к освобождению от врагов обширных территорий, что, в свою очередь, открыло перед армянским купечеством большие возможности для развития международной и в том числе морской торговли. Есть все основания предполагать, что «Судебником» Гоша пользовались не только население северной Армении, но и армянские общины грузинских и абхазских городов, наделенные широкими правами самоуправления.

⁸ Վ. Բ ա ն տ ա ղ յ ա ն ջ, Գրականության պատմությունը Միջին Գոշի Իրավաբանական հետազոտություն, «Փորձ», 1870, № 6, 7—8, 9; X. Самуэляни, История древнеармянского права, Ереван, ч. I, 1939, стр. 89.

⁹ M. Lewicki, R. Kohnowa, La version turque-kiptchak du Code des lois des Arméniens polonais d'après le ms. No 1916 de la Bibliothèque Ossolineum: „Rocznik Orientalistyczny“, t. XXI Warszawa, 1957.

¹⁰ Интересные соображения по этому вопросу и большой фактический материал о связях армян Кафы и Львова приводятся в исследовании Վ. Ա. Միրախչյան, Ղրիմի հայկական գաղութի պատմություն:

Во всяком случае эту норму армянского права относительно кораблекрушений мы встречаем и в составленном в 1703—1709 гг. «Сборнике законов» грузинского царя Вахтанга, в разделе «Законы Армянские». Ст. 364 этих законов гласила:

«Буде случится по близости какого города кораблекрушение, то жители онаго и окрестностей должны наиболее подавать помощь, чем только возможно, погибающим: ибо чем безопаснее корабли будут посещать город, тем выгоднее для него, а потому жители онаго должны давать еще и плату за спасение утопающего корабля»¹¹.

Вахтанговская редакция этого правила, так же как и редакция Статутов львовских армян, имеет свои отличия, значительно расходясь с оригинальным текстом «Судебника» Гоша. Она предусматривала не только необходимость спасения, но и материального спомоществования спасенным при кораблекрушении мореходам, исходя из того, что безопасность мореходов, означающая расширение морских торговых связей, учащение заходов в порт кораблей, выгодна для прибрежных владетелей и населения.

Имея в виду отмеченные отличия, следовало бы привести те сведения, которые известны о происхождении этой редакции. Были ли эти особенности связаны с деятельностью армянских правоведов, готовивших армянские законы для «Сборника законов» царя Вахтанга VI, или же сам армянский оригинал был дан в новой редакции? Если основываться строго на сведениях самого «Сборника законов» царя Вахтанга, то следовало бы остановиться на втором предположении, ибо об этих армянских законах в самом сборнике, в разделе «Законы Моисеевы», говорится, что это «законы армянских царей»¹². Во введении к законам самого царя Вахтанга сказано, что эти законы—из «армянских книг переведенные»¹³. Это положение еще раз подтверждается в Введении к самим «Законам Армянским», где сказано, что «сия книга есть перевод из книги законов Великой Армении и называется Уложением»¹⁴. В «Сборнике законов» говорится также, что перевод «Законов Армянских» сделан с армянского подлинника, «выписанного из Эчмиадзинского монастыря», в списке царевича Парнаваза «Законы Армянские» предваряются следующей записью: «Переведены на грузинский язык прямо с армянского при Вахтанге VI и обнародованы им в бытность его в 1709 и 1711 гг. царевичем правителем Карталинии».

Следовательно, есть все основания утверждать, что эта норма существовала и в редакции армянских законов вахтанговского «Сборника».

¹¹ «Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI». Изд. А. С. Френкеля под редакцией Д. З. Бакрадзе, Тифлис, 1887, стр. 330, 331.

¹² См. раздел «Законы Моисеевы», Введение, п. 3 (стр. 146 в изд. А. С. Френкеля).

¹³ „და სომეხთა (ვარ. D სომეხთა სამართალთა) წიგნთაგან გარდათარგმნებულნი“, ვახტანგ VI, სამართლის წიგნი, თბილისი, 1955, стр. 46.

¹⁴ См. раздел «Законы Армянские», Введение (стр. 231 в изд. А. С. Френкеля).

Именно в этой редакции эта норма права, вместе с «Законами Армянскими» и всем «Сборником законов» Вахтанга VI, была включена в «Свод законов Российской империи», действовавший до Октябрьской революции и установления Советской власти.

По распоряжению Правительствующего сената «Сборник законов» Вахтанга VI в 1828 г. был издан и предложен в руководство гражданским судам Тифлисской и Кутаисской губерний Российской империи.

Необходимость включения армянских законов в «Свод законов Российской империи» грузинский царевич Давид в своей записке от 12 июля 1813 г. мотивировал тем, что армянскими законами руководствовались в торговых делах: «И сие весьма вероятно, ибо вся торговля на Востоке и донныне почти исключительно в руках армян»¹⁵.

Как по содержанию, так и по происхождению стоят особняком соответствующие постановления «Судебника астраханских армян», составленного жителями Астрахани Егиазаром Григоряном, Григором ди Сафар Кампаняном и его сыном Оганом Саркисом в середине XVIII в.¹⁶

Ст. 30 гл. XI этого судебника гласит: «Если кто-либо во время кораблекрушения с целью своего спасения выбросит принадлежащее ему имущество в море, и вещи эти морские волны выбросят на берег, то нашедший такую вещь может завладеть ею как найденной вещью и никто не имеет права востребовать обратно это имущество. Но если корабль будет идти близко от берега моря и кто-либо выбросит свое имущество в море для того, чтобы морские волны выбросили их на берег, то такую вещь никто не имеет права присвоить. Тот, кто присвоит эти вещи наоткрыто или скрытно должен рассматриваться как настоящий вор и с ним следует поступать как предписывает право в отношении явного вора»¹⁷.

С первого взгляда бросается в глаза, что текст этот отличается как от ставших традиционными в армянских судебниках соответствующих положений кодекса Мхитара Гоша, так и от соответствующих текстов рассмотренных международно-правовых документов и расходится с практикой, сложившейся у армян на протяжении веков.

Помимо объективных причин, связанных с существовавшей в Прикаспии обстановкой, на формулировке положений Астраханского судебника относительно права из кораблекрушений сказались и факты «субъективного» характера, а именно то обстоятельство, что составители судебника лишь в незначительной степени воспользовались «Армянским судебником» Мхитара Гоша, а использовали в основном греко-римские и отчасти русские законы. О том, что они пользовались сводом

¹⁵ Цит. по: «Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI», предисловие первое, стр. II.

¹⁶ Работа была начата в конце 40-х и завершена в конце 60-х годов XVIII в. Рукописный оригинал хранится в «Матенадаране» (Ереван) под № 1783. Текст этого судебника издан Ф. Г. Погосяном, см. «Գրատնտեսանագիրք Աստրախանի հայոց», Աշխատանքային թիվը Զ. Գ. Պոգոսյանի, Երևան, 1967:

¹⁷ Там же, стр. 94, 95.

законов русского царя Алексея Михайловича от 1649 г. и законами, изданными при Петре I, видно из сравнительного анализа текстов. Об использовании законов византийских императоров говорят они сами.

Этот второй источник права, очевидно, был основным при формулировании интересующей нас ст. 30 гл. XI Астраханского судебника. Поэтому, прежде чем приступить к юридическому анализу этой статьи, необходимо остановиться на тех положениях римского права, которые послужили для него основой.

В кодексе Мхитара Гоша и различных его редакциях, равно как и в рассмотренных международно-правовых актах, речь шла в основном о кораблях и грузе, выброшенных на берег в результате действительного кораблекрушения. «Судебник астраханских армян» как будто этого вопроса не касается. Он подходит к вопросу с другой стороны. Судебник рассматривает два конкретных и, как увидим, разных волевых акта: в одном случае—выбрасывание груза за борт для облегчения спасения судна (т. е. то, что в морской терминологии выражается термином *jettison*), а в другом—выбрасывание груза за борт с целью спасти самый груз.

Поскольку эти ситуации решаются судебником на основе греко-римских законов, для правильной оценки его положений, выявления их особенностей и установления связей с армянской национальной традицией необходимо прежде всего рассмотреть соответствующие институты этого права.

По римскому праву, как известно, право собственности утрачивается, если собственник отказывается от своего права, в частности, выбрасывая свою вещь. Брошенная вещь становилась бесхозяйной (*res nullius*) и поступала в собственность того, кто первый ее захватит (*primo occupanti*).

Применительно к береговому праву или праву из кораблекрушения правовые системы, которые развивались под воздействием греко-римского права, в своей эволюции прошли несколько стадий развития. Мы уже видели, что первоначально почти повсеместно право из кораблекрушения распространялось как на корабли, так и их груз и даже людей, выброшенных на берег. При этом не делалось различия между обломками судна и остатками груза, выброшенными на берег после кораблекрушения, и кораблем, оставленным в море во время шторма его экипажем и пассажирами и предоставленным течению и ветрам, или грузом, выброшенным за борт, чтобы облегчить корабль и тем спасти его. Как в одном, так и в другом случае право собственности прекращалось, хотя в зависимости от времени и места бывали некоторые нюансы в юридическом обосновании.

Впоследствии, когда в некоторых странах стали все более и более ограничивать право на приовоеие предметов, выброшенных на берег в результате имевшего место кораблекрушения, это право, путем введения понятия *derelictio* стало отделяться от права захвата оставленного в море корабля или выброшенного груза. Оставление в открытом море

корабля и его груза, а также выбрасывание груза за борт для облегчения и спасения корабля и людей во время шторма рассматривались как отказ от всех прав собственности со стороны законного собственника на корабль и груз. Хозяин груза, так же как и судовладелец (или капитан, рассматриваемый как их представитель), выбросив груз за борт или покинув корабль, отказывался тем самым от права собственности, ибо это считалось подтверждением того, что он имел надежды и намерения спасти корабль или груз (*sine spe recuperandi et sine animo revertendi*). Поэтому как оставленный корабль, так и выброшенный груз становились собственностью того, кто их нашел или спас.

Полностью покинутый корабль принадлежит тому, кто вступит в него и доставит в безопасное место. Если же после команды капитана: «Спасайся кто может!» кто-либо на свой риск и страх останется на борту с целью спасти корабль, то право собственности перейдет к нему.

Аналогично действие права из кораблекрушения или берегового права распространялось и на груз, выброшенный за борт, чтобы облегчить корабль во время шторма или спасти груз или часть его во время кораблекрушения.

При этом в морской практике иногда делались различия между *wreck* — обломками судна или остатками груза, выброшенными на морской берег в результате кораблекрушения, и такими категориями выброшенного за борт груза, как *jetsam* — т. е. груз, выброшенный за борт с целью облегчения корабля, когда корабль все же погибает; *flotsam* — груз, плавающий на поверхности моря; *ligan* или *lagan* — затонувший груз, обозначенный бумом или другим незатопляемым предметом с тем, чтобы потом найти его и взять обратно.

«Судебник астраханских армян» не говорит об этих категориях выброшенного за борт груза. И это не случайно. Он, очевидно, исходит из того, что до тех пор, пока эти вещи находятся в море, они не могут рассматриваться как *wreck* и, следовательно, на них не может распространяться береговое право¹⁸.

«Судебник астраханских армян» рассматривает вопрос о правомерности или неправомерности присвоения только той категории брошенного за борт груза, который море выбросило на берег — *ejectum maris*. При этом в основу решения вопроса о правомерности или неправомерности присвоения выброшенных на берег вещей положено понятие дереликта.

Концепция «Судебника астраханских армян» основана на таком понимании понятия дереликта, в котором решающая роль отводилась намерению хозяина, выбросившего груз за борт, т. е. оставление вещи без намерения или надежды спасти ее. Поэтому, если в открытом море,

¹⁸ Для сравнения отметим, что в английской морской практике отказались от такого разграничения и в настоящее время *flotsam*, *jetsam* и *lagan* попадают по закону под понятие «*wreck*». См. Хиггинс и Колумбос. Международное морское право. Пер. с англ., М., 1953, стр. 263, § 305.

далеко от берега, груз выбрасывается за борт, чтобы облегчить вес корабля и тем самым спасти сам корабль и людей, то это действие предполагает отсутствие надежды спасти корабль. Это положение и лежит в основе части I ст. 30 гл. XI «Судебника астраханских армян».

Но Судебник этот идет на существенное ограничение права присвоения выброшенного за борт груза в интересах купцов и перевозчиков и в части второй той же статьи предусматривает, что если груз выброшен в море, когда корабль шел к берегу или находился близко к берегу, то в этом случае выброшенные за борт вещи остаются собственностью хозяина, а попытки их присвоения: рассматриваются как воровство и соответственно караются. Очевидно, в этом случае движение корабля к берегу или нахождение близко к нему рассматривается как подтверждение наличия у собственника груза намерения и надежды спасти свое имущество. Если он хочет, чтобы его вещи волны вынесли на берег, то никто не может присвоить его имущества.

Мало того, редакция этого пункта и ст. 30 в целом позволяют думать, что в этом — втором — случае речь может идти и о собственно кораблекрушении. В подтверждение можно было бы указать хотя бы на следующую деталь: в первой части статьи, где рассматривается вопрос о грузе, выброшенном за борт в открытом море, составители Судебника исходят из реальной возможности спасения людей и корабля, т. е. речь идет не о действительном, не о совершившемся крушении, а о его предотвращении при шторме, поломке и т. д., а во второй части, где предусматривается действие у морского берега, эта возможность отсутствует или, во всяком случае, не упоминается.

Но даже если исходить из того, что ст. 30 прямо не говорит о вещах, выброшенных морем в результате собственно кораблекрушения и гибели судов у берега, то и в этом случае, рассуждая логически и распространяя концепцию составителей «Судебника астраханских армян» на такую ситуацию, можно, очевидно, прийти к выводу, что при этой ситуации, аналогичной с точки зрения права ситуации, предусмотренной частью II, должна действовать аналогичная оценка, т. е. запрет присваивать выброшенные на берег вещи под страхом наказания за кражу, что равносильно отказу от берегового права.

Помимо того, что само римское право квалифицировало как преступление присвоение вещей, выброшенных на берег в результате кораблекрушения, или, во всяком случае, не исключало такого толкования части II ст. 30 гл. XI «Судебника астраханских армян», говорит и вековая традиция армян.

Рассмотренный здесь материал, взятый из разных эпох истории армянского народа, свидетельствует о поразительно единообразном, понятием традиционном отношении армян к праву из кораблекрушения или береговому праву и позволяет сделать обоснованные выводы относительно значения армянских нормативных актов и международной практики для прогрессивного развития международного морского права.

Таким образом, армяне своими четко сформулированными и ис-

ключительно передовыми для своего времени положениями национальных кодексов-судебников, своими превратившимися в систему договорными отказами от берегового права задолго до того, как это сделали самые передовые государства Европы, систематическим внедрением этих положений свсих национальных кодексов и своей международной договорной практики в правовые системы других государств существенно содействовали эволюции международного морского права, внедрению принципов гуманности и взаимопомощи.

Именно эта эволюция норм, касающихся отказа от берегового права и спасения терпящих бедствие кораблей и людей, привела в конечном счете, как правильно отмечается в литературе¹⁹, к заключению в XX веке ряда международных конвенций об оказании помощи и спасении человеческой жизни и имущества на море, таких, как Брюссельская конвенция об оказании помощи и спасении на море 1919 г., Лондонские конвенции об охране человеческой жизни на море 1914, 1929 и 1948 гг.

ՀԱՅԵՐԻ ՎԵՐԱԲԵՐՄՈՒՆՔԸ «ՄԵՐՁԱՓՆՅԱ ԻՐԱՎՈՒՆՔԻՆ» XIV ԳԱՐԻՅ ՀԵՏՈ

Յու. Գ. ԲԱՐՍԵՂՈՎ (Մոսկվա)

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Միջազգային ծովային իրավունքի առաջադեմ այն սկզբունքները, որ առաջադրել և պահպանում էր Կիլիկիայի հայկական թագավորությունը, XIV դարից հետո էլ շարունակում էին ազդել միջազգային ծովագնացության զարգացման վրա: Օգտագործելով ձեռք բերված փորձը և հենվելով շատ երկրներում հիմնված հայ առևտրական գաղթավայրերի վրա, ինքնուրույն պետականության բացակայության դժվարին պայմաններում հայերը շարունակում էին եռանդուն կերպով զբաղվել միջազգային ծովային առևտրով, հաճախ հաջողությամբ մրցակցելով աշխարհի խոշորագույն ծովային տերությունների՝ Վենետիկի, Ջենովայի, Պորտուգալիայի, Հոլանդիայի, Մեծ Բրիտանիայի, Իսպանիայի վաճառականների հետ:

Այս ժամանակաշրջանում ևս հայերն իրենց շոշափելի ավանդն էին ներդնում միջազգային ծովային իրավունքի զարգացման գործում. դա արվում էր, մասնավորապես, «մերձափնյա իրավունքից» լիովին և վերջնականապես հրաժարվելուն նպաստելու միջոցով: Որպես կանոն, Գոշի «Դատաստանագրքի» «մերձափնյա իրավունքին» վերաբերող դրույթները օրենքի ուժ էին ստացել զրեթե բոլոր այն հայկական գաղթավայրերում, որոնք կապ ունեին ծովային առևտրի հետ՝ Լեհական թագավորությունում, Ղրիմում, Վրաստանում և այլուր:

Նշված բոլոր երկրներում Մխիթար Գոշի «Դատաստանագրքի» «մերձափնյա իրավունքին» վերաբերող հատվածը տարբեր խմբագրություններով մտել է լեհական և վրացական թագավորությունների իրավաբանական ժողովածուներում և իբրև գործող օրենսդրություն ղեկավարվում էին հատկապես տեղի հայ առևտրականները, որոնք կապ ունեին ծովային առևտրի հետ: Այդ տեսակետից հետաքրքիր է նաև Աստրախանի դատաստանագիրքը:

¹⁹ См. S. Matysik, цит. работа, стр. 256, 257.

Մխիթար Գոշի «Պատաստանագիրքը» առանձնապես մեծ տեղ է զբաղում Վախտանգ VI-ի կողմից հավաքված Վրացական թագավորության սահմաններում գործող օրենքների ժողովածուում, որը հրատարակվում է 1709 և 1711 թթ.։ Այս ժողովածուն այնուհետև (Վրաստանի թագավորության Ռուսաստանին միացնելուց հետո՝ 1801 թ.) մտնում է «Ռուսական կայսրության օրենսդրական ժողովածուի» («Свод законов Российской империи») մեջ, որը գործում էլ մինչև Հոկտեմբերյան մեծ հեղափոխությունը և սովետական իշխանության հաստատումը։ Համապատասխան դրան Գոշի մոտ արժարժված «մերձափնյա իրավունքը» հասել է գրեթե մինչև մեր օրերը իբրև գործող իրավական նորմա և խաղացել իր պրոգրեսիվ դերը։

Հոգվածում քննարկվող նյութը, որ վերցված է տարբեր դարաշրջաններից, վկայում է «մերձափնյա իրավունքի» նկատմամբ հայերի ունեցած ավանդական վերաբերմունքի մասին և թույլ է տալիս հիմնավորված եզրակացություններ անել միջազգային ժողովին իրավունքի առաջադիմական զարգացման համար հայկական նորմատիվ ակտերի և պրակտիկայի ունեցած նշանակությունը վերաբերյալ։